

Георгий ГЛОВЕЛИ

АФАНАСИЙ ЩАПОВ – ИСТОРИК РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья приурочена к 150-летию отмены крепостного права в России и посвящена наследию А.П. Щапова (1831–1876) — одного из выдающихся историков и общественных деятелей эпохи «великих реформ» 1860-х, создателя земско-областнической концепции российской истории, внесшего значительный вклад в федералистскую и краеведческую мысль.

Ключевые слова: земство, история цивилизации, колонизация, российский федерализм, русский религиозный раскол, старообрядчество

Отмена крепостного права была главной из «великих реформ», проведенных в России со времени восшествия на престол Александра II и заложивших основы гражданского общества в стране. Пока шла подготовка раскрепощения трудовой России, гласность раскреопщала мыслящую Россию.

Интеллектуальный контекст русской мысли эпохи реформ

Исподволь зревшие оппозиционные и преобразовательные настроения хлынули темпераментным языком публичных речей, записок-проектов на высочайшее имя, хлесткой журнальной полемики. На «золотом» юбилее актерской деятельности М.С. Щепкина (1855) идеолог славянофильства К.С. Аксаков провозгласил тост: «Да создастся на Руси общественное мнение!» Это пожелание с 1856 г. стали воплощать в жизнь прежде всего журналы. Как новые — «Русская беседа» славянофилов и «Русский вестник» статского советника М.Н. Каткова в Москве, либерально-буржуазный «Экономический указатель» профессора-западника И.В. Вернадского в Петербурге, так и преобразившийся «Современник» Н.А. Некрасова с новым радикальным редактором Н.Г. Чернышевским и шумным приложением — «Свистком» юного Н.А. Добролюбова. Новое общественное мнение чутко улавливало свет «Полярной Звезды» и звон «Колокола», доходившие из лондонской Вольной русской типографии А.И. Герцена. Подала голос и провинция: профессор Казанского университета И.К. Бабст в публичной лекции при вступлении на кафедру политэкономии (1856) призвал учиться «здравым понятиям» экономической науки, чтобы содействовать умножению народного капитала.

Скращение мнений по вопросам об условиях освобождения крестьян и об отношении национального пути развития к европейским началам вывело русскую историческую мысль *на новый уровень*, выдвинув плеяду светил, сохраняющих яркость и ныне. Среди них – Афанасий Прокофьевич Щапов (1831–1876).

Щапов занял особое место в спорах эпохи «великих реформ» между западниками и славянофилами, консерваторами и радикалами. Его первая крупная работа «Русский раскол старообрядства» (1859) *предложила новый, выходивший за рамки привычного церковно-догматического толкования, взгляд на русский религиозный раскол*. За обрядовыми несогласиями и огнепальным фанатизмом Щапов увидел «религиозно-гражданский демократизм», протест податного земства против закрепощения и насильственного насаждения иноземных государственных и бытовых элементов. А вступительная лекция Щапова как профессора Казанского университета «Общий взгляд на историю великорусского народа» (1860) стала одним из наиболее ярких проявлений гласного свободомыслия эпохи.

Щапов был одним из тех, кто доказывал своей жизнью ломоносовское «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов земля российская рождать». В отличие от почитаемого им основателя первого русского университета, Щапову не довелось учиться на Западе и снискать признание европейских научных академий. Но, будучи русским самородком, до «столпнического» самоотречения осваивавшим пласти документов по национальной истории, поборником народного «саморазвития», Щапов вдыхал и интеллектуальные дуновения из Европы, которые в эпоху российского раскрепощения направляли к поискам эволюционных закономерностей в поступательном ходе *цивилизации* и к выяснению *естественно-исторических* причин национальных особенностей.

Первым в Европе понятие «цивилизация» широко развернул французский историк и видный политик Ф. Гизо. Его концепция оказала влияние на монументальную «Историю России с древнейших времен» С.М. Соловьева, выходившую с 1851 г. (28 лет ежегодно по одному тому) и ставшую опорой западнической «государственно-юридической» трактовки русской истории. В центр внимания Соловьев поставил судьбы единодержавного централизованного русского государства, с ростом и усилением которого связывал медленное постепенное осознание народом себя как целого. Рост русского государства до масштабов великой военной европейской державы был прослежен Соловьевым в порядке княжений и царствований, с акцентами на вытеснение государственным правом традиций родового быта, на создание имперской моши в войнах и дипломатических переговорах XVIII в., на прикрепление властью к земле населения, прежде привычного к «расходке».

Соратники Соловьева К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин рассматривали государство как идею, которая в русской истории вывела народные массы из состояния «этнографической протоплазмы, калужского теста» и привила им начала цивилизации – «гражданственности и просвещения». Государство, доказывал Чичерин, организовалось сверху, действиями правительства, оформившего народ в сословия, – сначала закрепостив их, а затем поэтапно раскрепощая: дворян (1762), потом купцов и мещан (1785) и, наконец, крестьян (1861). Западники прославляли имперское

устройство Петра I и порицали противогосударственные элементы в русской истории, особенно казацкие возмущения.

Государственно-юридическое освещение русской истории не придавало значения местному колориту, своеобразию черт исторической жизни областей и краев, а с европеизирующим влиянием правительства связывало органичное для России и задержавшееся в ней лишь из-за неблагоприятных географических условий («природы-мачехи», по словам Соловьева) закономерное «прибирание» отдельных областей к «общему средоточию» цивилизации.

Оппоненты западников — славянофилы — напротив, считали, что создание подражающей Европе Петербургской империи порушило исконный русский порядок, не только отрещив народ-земство от политических и юридических интересов, сконцентрированных в руках правительства, но и стерев централизацией элементы местного развития и самобытности, сохранившиеся лишь в сельской крестьянской общине.

Позиция славянофилов: община, с одной стороны, сжимаясь до деревни, до выселка, до починка. С другой — расширяется земскими кругами разного размера в русское государственное единство, сохраняющее местные особенности. Но органичность этого порядка была порушена чужеродными имперскими структурами подражавшего Западу «регулярного государства».

Славянофильский взгляд на русский исторический процесс уступал в последовательности и убедительности западнической государственно-юридической концепции. Он явно приукрашивал порядки «местного саморазвития» на Руси, которые на тот момент наиболее подробно были исследованы зачинателем украинской исторической науки Н.И. Костомаровым. Находя тяготение к централизации московско-великорусской чертой, не типичной для остальных племен русского народа, Костомаров при всех симпатиях к деятельности народных масс на северных и южных окраинах Руси не считал возможным идеализировать областной удельно-вечевой уклад и его «запоздалое отцветие» — казачество.

Пока русские историки и экономисты спорили об общине, традициях земства и государственности и условиях отмены крепостного права, с Запада повеяли новые ветры — эволюционизма и позитивизма.

Переведенная автором первого критического обзора русской историографии К.Н. Бестужевым-Рюминым «История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля (1821–1862) снискала большую популярность у русской общественности. Бокль искал обоснования истории цивилизаций на материале естествознания и политической экономии. Он придавал особое значение географии, считая, что законы природы влияют на устройство общества и национальные характеры через климат, почву, пищевые ресурсы, рост народонаселения, накопление и распределение богатства. Почти одновременно с социологией Бокля появилось эволюционное учение Ч. Дарвина, которое со страниц журнала «Русское слово» пропагандировал главный идеолог шумно заявившего о себе «нигилизма» радикальный публицист Д.И. Писарев. Наконец, в Россию стали проникать идеи исторического материализма К. Маркса, с интересом следившего за «крестьянским делом» и рождением «рабочего вопроса» в стране, которую он недавно считал только лишь оплотом реакции в Европе.

Согласно Советской исторической энциклопедии, Афанасий Щапов был «первым пропагандистом «Капитала» К. Маркса в Сибири». Щапов действительно использовал в поздних статьях («Что такое рабочий народ в Сибири?» и др.) для сравнения «первоначального накопления» в Европе и в Сибири 1-й том «Капитала», экземпляр которого был получен из рук одного из первых его переводчиков на русский язык Германа Лопатина. Другой переводчик, Николай Даниельсон, главный русский корреспондент Маркса, передал тому известие, что «Щапов теперь пишет историю цивилизации в России» (письмо от 10 /22/ мая 1873 г.). Этот замысел не был осуществлен – сосланный в Иркутск Щапов, надломленный многолетними лишениями, вскоре умер. Но, хотя единого обобщающего труда на указанную тему и не появилось, она нашла отражение в большинстве работ историка, принесших ему всероссийскую известность. Увлеченный водоворотом переломной эпохи на стезю драматических испытаний, Щапов не реализовал полностью свои дарования. Но все же он оставил богатое наследие, привлекающее россыпью оригинальных идей и внушающее уважение к «вековой страдомой богатырской работе» областных народных масс России.

От бурсака до молодого профессора

Афанасий Щапов был одним из «поповичей»-разночинцев, силою таланта и трудолюбия пробившихся в университеты и журналистику с новым страстным словом в защиту крестьянства. Его родителями были крестьянка-бурятка и пономарь церкви пророка Илии в селе Анге Верхоленского уезда Иркутской губернии. Земляком и дальnim родственником – святитель Иннокентий Вениаминов (Попов), прославленный миссионер на землях Чукотки, Курильских островов, Камчатки и Приамурья, родившийся в семье одного из прежних пономарей той же Ильинской церкви в Анге.

Мальчик, нареченный в честь св. Афанасия Александрийского, в 8 лет был отправлен в Иркутск для учебы в духовной семинарии (1839–1852). Счастливый случай помог проявиться недюжинным способностям, и один из учителей выхлопотал казенные учебники – с тех пор Афанасий стал отличником и удостоился перевода на первую парту.

Образование было продолжено в Казанской духовной академии, где тогда преподавали историк Г.З. Елисеев (1821–1891) и филолог-славист В.И. Григорович (1815–1892), познакомивший даровитого и усердного в занятиях студента с коллекцией древних документов. До 17 часов в сутки простоявал Щапов в библиотеке за доской-конторкой, так что от его сапог образовались углубления на полу. Студенты прозвали эти ямки «ямами столпника Афанасия».

Годы «столпничества» в академии (1852–1856) совпали с двумя рядами событий в истории России, ставших для Щапова знаковыми. Во-первых, это неудачная Крымская война; смерть самодержца Николая I; осознание всеми, начиная с нового царя Александра II, необходимости глубоких перемен в общественном строе; нравственный суд над недавним и более отдаленным прошлым. Во-вторых, активизировавшиеся незадолго до смерти Николая I с его высочайшего повеления репрессии против

раскольников и разгром очага русского делового старообрядчества — Выгорецкой пустыни в Олонецком крае.

Архиепископ Казанский и Свияжский Григорий (Г.П. Постников) для борьбы с расколом основал в Казани журнал «Православный собеседник» (1855). По ходатайству Григория во время войны в Казань было переведено обширное собрание рукописей Соловецкого монастыря, с которыми смог ознакомиться и Щапов, взявшийся писать магистерскую диссертацию на тему возникновения и распространения русского раскола, подсказанную самим архиепископом. Во время работы над диссертацией Щапов начал регулярно печатать статьи в «Православном собеседнике», а выросшая из диссертации книга «Русский раскол старообрядства» (1859) была новым словом в отечественной исторической науке. Результат исследования Щапова оказался не таким, какой предполагала синодальная ортодоксия. Вместо очередного обличения невежества староверов получилась широкая историко-бытовая и социальная картина народного недовольства насильственным строем греко-восточной никонианской церкви и немецко-чиновной всероссийской империи.

Заслужив за свой труд одобрительные отзывы К.Н. Бестужева-Рюмина и С.М. Соловьева, Щапов, после годичного курса лекций в духовной академии, был приглашен профессором русской истории в Казанский университет. Ведущее учебное заведение тогдашней Российской провинции было известно не только научными светилами первой величины (Н.И. Лобачевский, А.М. Бутлеров), но и многонациональным составом и свободомыслием студенчества.

Во вступительной лекции, в присутствии попечителя Казанского учебного округа князя П.П. Вяземского и университетской профессуры во главе с ректором А.М. Бутлеровым, Щапов подчеркнул, что взошел на кафедру не с идеей централизации, а с идеей «земско-областного начала народной жизни». Он предложил рассматривать историко-этнографическое образование великорусского народа как многосложный процесс славянской колонизации среди финских и турко-татарских народностей, разделенный на два главных периода: земско-областной и государственно-союзный, перешедший в петербургско-имперскую опеку провинций с насаждением немецких чинов. Рознь Смутного времени, раскол, народные бунты при династии Романовых выразили земско-областной протест против централизации и тягla, «всенародной повинности и крепостности государству»; «инстинктивный демократический» дух народа отвечал буйствами разинщины и пугачевщины на Соборное уложение, учреждение Приказа тайных дел и Тайной канцелярии, рекрутчину и бироновщину¹.

Крепостническая империя подавила народные бунты и областное саморазвитие, развила административную и налоговую централизацию, утвердила деспотизм военно-приказного управления, создала казенный монополизм и фамильный олигархизм, резкий контраст между столич-

¹ «Взволновалась Русь крепостная, взволновались инородные племена, народ негодовал и свирепствовал против приказного начальства, чиновничества, против крепостного права и хотел вольности» (Щапов А.П. Общий взгляд на историю великорусского народа: Лекция. Публ. Е.И. Чернышева. Изв. О-ва любителей археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1926. Т. 33. Вып. 2–3. С. 30).

ностью и провинциализмом. Но под влиянием введенного Петром I познания европейской науки и цивилизации в лучшей части аристократического сословия медленно и слабо, но вызревали идеи гражданских прав и политических свобод. Щапов вспоминал конституционный проект графа Панина и княгини Дашковой, вольную типографскую компанию Новикова, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «отрадный либерализм» первых лет царствования Александра I, критику «нелепо-образного» состояния России адмиралом Мордвиновым (основатель Казанского отделения Вольного экономического общества). И в заключение воздал хвалу декабристам, выступлением которых «торжественно заявила свое право в истории» конституционная идея политического самосознания и народного самоуправления в России.

Лекция Щапова вызвала шумные рукоплескания и всероссийскую молву, а завороженные студенты Казанского университета стали смотреть на молодого профессора как на «организатора будущего прочного устройства нашего отечества». Несколько выступлений на сходках радикальной молодежи упрочили славу Щапова. Своим воодушевленным народолюбием он производил на окружающих впечатление пророка, поэта-сказителя; от его речей «сердце замирало в груди и мороз пробегал по телу»².

Христианский демократ

Крестьянская реформа не могла бы состояться, если бы нравственное сознание несправедливости крепостного права не охватило значительного круга дворянства. Это тем более верно в отношении разночинной интеллигенции, вместе с которой «пробилось наружу глубокое народное наследие русского кенотического христианства»³.

Афанасий Щапов и его ближайшие ученики Николай Аристов (1834–1882) и Серафим Шашков (1841–1882) исходили из того, что надлежит дать этим «грубым рукам», этому «огромному большинству простого, черного народа» достойное место в русской истории, сведенной официальной историографией к истории княжений и царствований, бар и духовенства, завоеваний и переворотов.

Впечатлительный Щапов до слез переживал перипетии отмены крепостного права, а когда узнал о расстреле недовольных Манифестом 19 февраля крестьян в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, разрыдался. Безденежный раскольник Антон Петров объявил, что господа нарушили закон Божий и скрыли «настоящую» волю царя, будто бы наделившего крестьян всей обрабатываемой им землей. Несколько сот человек стеклись к избе Петрова, вышедшего к ним с иконой на груди и призвавшего стоять за правду. Посланые для усмирения войска 12 апреля расстреляли протестующих и захватили (а через неделю казнили) их воожака. С этих трагических событий началась «кровавая полоса нового царствования», как выразился А.И. Герцен, и «схватка лучших русских людей с лучшим царем из рода Романовых», как позднее писал В.Г. Короленко.

² Воспоминания ученика Щапова И.Я. Христофорова (*Маджаров А.С. Афанасий Щапов*. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. С. 88).

³ *Федотов Г.П.* Полное собрание статей. Том IV. Защита России. Paris: YMCA-PRESS. С. 115.

На панихиде по убиенным крестьянам Щапов выступил с речью, которая в списках облетела всю Россию. Он начал со слов, что «демократ Христос... возвестил миру общинно-демократическую свободу» и обратился к погибшим как к «искупительным жертвам деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу»:

«Вы первые нарушили наш сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш не способен к инициативе политических движений. Вы громче царя и благороднее дворянина сказали народу: ныне отпускаешь раба твоего... Мир праху вашему, вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу... Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля возвозит народ к восстанию и к свободе... Мир праху вашему и вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»⁴.

Слухи о речи казанского профессора быстро дошли до Петербурга, и Александр II распорядился арестовать дерзкого оратора. Тот был взят под стражу и доставлен в столицу. Из стен III отделения обратился к самодержцу с «верноподданнейше искренним письмом» наподобие древних челобитных, прося даровать «прощение и свободу для мирного скромного занятия наукой». Свое первоначальное намерение подвергнуть Щапова «вразумлению и увещеванию» в монастыре царь сменил под воздействием протестной записки, организованной редакцией журнала «Современник». Наказание ограничилось лишением звания и права преподавания. А министр внутренних дел Валуев, родственник князя Вяземского, взял Щапова как знатока русского старообрядчества и сектантства в свое ведомство чиновником по раскольническим делам. Но служба тяготила Щапова и вскоре была им оставлена. Он успел просмотреть в архиве МВД обширный материал по истории раскольнических сект, которые теперь представлялись Щапову зачатками христианских демократических «партий» в России.

Радикализация политических взглядов Щапова проявилась в резкой по тону статье, написанной в форме письма к князю П.П. Вяземскому в связи с насмешливой стихотворной «Заметкой» его отца, консерватора П.А. Вяземского в журнале «Русский вестник». Состарившийся «поэт пушкинской плеяды», когда-то отстраненный от двора за поданную Александру I записку об освобождении крестьян, давно оставил позади либеральные увлечения молодости и теперь язвил по поводу «нового Гракха республики журнальной», который, «чтоб верней любовь к свободе доказать», «силится смотреть свирепым дикобразом и с пеной на губах зубами скрежетать». У публики и эмоционального косматого Щапова сложилось мнение, что это он осмеян стариком Вяземским, и в письме к сыну «стихокропателя» Щапов разразился обличением четырех сословных «каст народного угнетения» — дворянско-вельможной, военно-командирской, духовно-иерархической и чиновно-бюрократической.

«Я демократ, друг федеральной союзной общинно-демократической конституции русской, во имя демократа Христа и демократа-мужичка

⁴ Подлинный текст речи Щапова. Красный архив. 1923. № 4. С. 409–410.

Антона Петрова, за кровь, за свободу мужиков и всего народа дерзнул сказать в собрании молодого поколения:

«Да здравствует, да будет общинно-демократическая конституция!»

Слово это я нарочно сказал в церкви вопреки всех византийско-ортодоксальных, жреческих, народозатемнительных и народообязательных обманов и сумасбродств, вопреки всем императорски-глупым централизационно-законодательным немецким попраниям Воли и Правды народной славяно-русской. Куртинская панихида за кровь и свободу крестьян, совершенная молодым поколением, была погребальной панихидой старой России, императорской, княжески-помещичьей, народограбительной, народогонительной, народозатмительной...

Я... хочу федеральной или союзной общинно-демократической конституции, земского народосоветия; жду его от самого народа и говорю, что народ теперь и давно способен к нему...»⁵.

Хотя письмо Щапова не было опубликовано, о его содержании стало известно, и историк окончательно порвал с «временнообязанной принадлежностью к Министерству внутренних дел», погрузившись в политическую журналистику. Он встретился со своим бывшим преподавателем Г.З. Елисеевым, собиравшим в Петербурге литературные силы для нового периодического издания на артельных началах. Удалось организовать и в течение 1862 г. выпускать журнал «Век» под редакцией Елисеева; Щапов писал почти для каждого номера, отстаивая «земские начала» русской истории, прослеживаемые им в сельских мирских сходах, Земских соборах XVI и XVII вв., раскольничих общинах и слободах.

1862-й – год тысячелетия российского государства – не был праздничным для столицы и императорского двора. По Петербургу ходили революционные прокламации «Барским крестьянам от доброжелателей поклон» и «К молодому поколению», составленные Н.Г. Чернышевским, М.Л. Михайловым, Н.В. Шелгуновым. Один из организаторов тайного общества «Земля и воля», сотрудник журнала «Век» Н.А. Серно-Соловьевич проник на территорию императорского дворца, чтобы вручить прямо в руки монарху свой проект русской конституции. Вскоре после выхода романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» жителей Петербурга напугали пожары. Многие, в т.ч. сверстник Щапова писатель Н.С. Лесков, сочли пожары делом рук молодых радикалов-«нигилистов», и когда осенью в столицу приехал Тургенев, первое, что он услышал, было: «Посмотрите, что ваши нигилисты делают: жгут Петербург!»

Полиция усилила борьбу с революционно-демократической оппозицией. Был закрыт «Современник» Некрасова; заключены в Петропавловскую крепость Чернышевский, Михайлов и литературный кумир «нигилистов» Писарев; начат «процесс 32-х» – «дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (т.е. Искандером-Герценом и его сотрудниками) и с Н. Серно-Соловьевичем, как центральной фигурой. На процессе всплыло и имя Щапова. Герцен и его агент В.И. Кельсиев, приезжавший в Петербург весной 1862 г., интересовались трудами Щапова о расколе, предполагая сделать сектантов союзниками в борьбе против

⁵ Письмо Щапова к кн. П.П. Вяземскому. *Маджаров А.С. Афанасий Щапов. С. 261, 265–266.*

царизма. Одновременно в только что основанном журнале «Русский архив» духовный писатель камергер А.Н. Муравьев писал, что новая книга Щапова «Земство и раскол» вся «пропитана мятежным духом... Сущность книги: раскол не что иное, как протест земства против правительства по его нестерпимым злоупотреблениям, и что следственно характер раскола есть не религиозный, а гражданский». Причисляя Щапова к «либеральному или, лучше сказать, возмутительному направлению умов», камергер и почетный член Академии наук требовал от властей пресечь литературный «разгул шайки исключенных поповичей».

И Щапову было предписано покинуть столицу. Но он задержался в Петербурге более чем на год. Год одновременно несчастный и счастливый. Несчастный потому, что «гражданская грусть» Щапова (название его стихотворения того времени) перешла в злоупотребление «горькой». Счастливый, потому что Щапов встретил верную спутницу жизни, юную Ольгу Жемчужникову, жертвенная любовь которой скрасила последующие годы ссылки в Иркутске.

Идеолог земского народосоветия

«Земство и раскол», самая крупная работа Щапова за время его пребывания в Петербурге, действительно изображала русский религиозный раскол как оппозицию областного земства против московской централизации и петербургских имперских преобразований, против «всенародной крепости и повинности государству», за «свободу и равенство прав». Она вдохновлялась обуревавшей ученого злободневной политической идеей «общинно-демократической» и «федеральной» русской конституции: уравнение прав и средств развития классов, сельские мирские сходы, всесословные земства, всенародные думы, «общие федеральные советы»⁶. В период подготовки земской реформы 1864 г., острой публицистической критики имперского сословно-бюрократического централизма и исторической концепции Карамзина (за непонимание «федеративной идеи»⁷) Щапов выдвинулся в первый ряд российских историков-федералистов⁸, черпавших в русском прошлом аргументацию в обосновании необходимости широкого местного самоуправления.

Щапов полагал, что до образования Московского царства русская земля представляла собой «многосложную федерацию областей, разнообразную в историческом и этнографическом отношении»⁹, и ее территориальная обширность обусловлена тем, что каждая область продолжала колонизацию своей территории путем новых починков и деревень в лесах, путем выселков из больших старых поселений. «Повсюду видим починочный характер культуры, видим энергическую работу русского народа в лесах девственных и непроходимых с топором, косой и сохой,

⁶ Маджаров А.С. Указ. соч. С. 96.

⁷ Григорьев А.А. Народность и литература // Время. 1861. № 2.

⁸ См.: Рубач М.А. Федералистические теории в истории России // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. М.: Изд-во Комакадемии, 1930; Боярченков В.В. Историки-федералисты. Концепции местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

⁹ Щапов А.П. Сочинения. Том 1. СПб.: изд-во Пирожкова, 1906. С. 654.

по обычному выражению юридических актов». И это «земское» начало местного колонизационного саморазвития не иссякло после установления единодержавия, сдавившего областную жизнь крепостничеством, монополизмом и немецкой чиновностью. После московской централизации и петербургских имперских преобразований государство стало над земством, рассортировав его на сословия, прикрепив к тяглу, обременив «истязательными» налогами ради доходов казны, породив вопиющее экономическое неравенство. В этих условиях продолжение земского дела, по мнению Щапова, взял на себя раскол, который «принимал всех, кто тяготился угнетенностью, порабощенностью личности», возвышал в своих учениях «нравственное, человеческое достоинство простых людей».

Щапов отметил, что раскол, возникнув из-за церковных споров в Москве, стал принимать областное направление и нашел особо благодатную почву в севернорусском Поморье – средоточии народоправных черных волостей и бывшей колонии торговой Новгородской республики. Когда в Поморье распространилось раскольничье учение о «немолении» за московского государя, севернорусские купцы и посадские люди, сохранившие память о вольностях и выборности, своими капиталами стали поддерживать и усиливать староверческие общины. А севернорусские грамотники-книгочеи занесли семена раскола на южные степные окраины России, где в низовьях Волги и Дона собирались в ряды голутвенных казаков беглые люди из того оскудевшего крестьянства, что вопияло в своих земских членобитных против крепостного права и экономического неравенства. И раскол стал знаменем «разгула демократического азарта», казацких мятежей, предводители которых грозили «тряхнуть Москвой».

Древние писцовые книги, испещренные именами мужиков-колонизаторов, Щапов считал наглядным памятником «великой исторической заслуги древнерусских гостей, купцов, посадских и особенно крестьянства». И потомки «всех этих тружеников, строителей древней России», считая за грех быть записанными в ревизскую переписную книгу Петра I, «подвергаются доброхотно оземствованию, бегут в леса, в горы и в пустыни, чтобы спасти души от Антихриста и вновь колонизовать области, устроить посады, слободы вольные на началах свободного общинного самоуправления»¹⁰.

«Земство» как *idée fixe*, убежденность в русской самобытности и в том, что «главный факт в истории есть сам народ, дух народный», сближали Щапова со славянофилами. Но, в отличие от них, он не сводил эту самобытность к какому-то извечному началу, признавая динамику народного характера от одного проявления к другому (например, от неистового бунтарства к коммерческой активности). Уже в своей диссертации Щапов отметил распространение раскола не только в северных монастырях, лесных скитах и степных краях, но и на крупнейших ярмарках. Бойкие ходебщики-официанты стали пропагандистами старообрядчества, а солидарность раскольнических общин между собою сформировала в XVIII столетии «внутренний торговый союз»¹¹.

¹⁰ Щапов А.П. Избранное. Сост. А.С. Маджаров. Иркутск: Оттиск, 2001. С. 288.

¹¹ Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и в первой половине XVIII века. Казань: И. Дубровина, 1859. С. 254, 283.

В книге «Земство и раскол», наряду с мятежным атаманом Стенькой Разиным (1630—1671), хотелшим «астраханское Поволжье сделать царством казачества и раскола в противоположность Московскому государству», и обличителем Петровских реформ Иларионом Докукиным (1661—1718), более всего упоминается Андрей Денисов (1674—1730). Киновиарх Выговской пустыни (Выгорецкий), организатор ее превращения в культурный центр старообрядчества, Андрей Денисов был миссионером-«Златоустом», первым русским археографом и рачительным хозяином. Он вместе с братьями-староверами завел в Олонецком крае пашни, скотные дворы, ремесленные мастерские, кирпичные заводы, обучение грамоте и рукоделиям и бойкую торговлю¹². От Заонежья потянулись нити старообрядческой деловитости, а с 80-х гг. XVIII столетия капиталы и торговопромышленное процветание раскольнических общин уже приобретают перевес над экономическим благосостоянием православного простолюдья; утверждается убеждение, что «держащиеся старой веры живут гораздо богаче держащихся веры новой».

Современником Андрея Денисова был новгородец Иван Посошков (1652—1724), по оценке Щапова, — русский самородок, начертавший в своей «Книге о скудости и богатстве» печальную картину тогдашней «турбации великой» от многочисленных разорительных податей. У Посошкова Щапов заимствовал формулу земского народосоветия, как желательного политического строя России, удовлетворяющего «историческую и природную потребность» народа в «мирской сходчивости» и «самобытности земских общин». Щапов рассматривал мирские сходы как начало расширения «земских миров» в федерацию областей — «самодеятельные, самораспорядительные областные сходы или земские советы, из совокупного выборного представительства которых собирается, или вырастает, наконец, всенародный земский собор или совет»¹³.

Представление слишком расплывчатое, чтобы стать политической программой, и формула земского народосоветия не вошла в русский идейный и партийный обиход. К тому же сам историк вскоре пересмотрел свою «земско-областную теорию». Однако ее существенный элемент — акцент на колонизационном самоустройстве российских областей — целиком перешел в новую концепцию Щапова, развивающую им в иркутской ссылке.

Современник Щапова Н.И. Костомаров, первый и наиболее известный федералист среди российских историков, ярко изобразил «федеративное начало Древней Руси»¹⁴. Но у Костомарова получилась статичная картина соотношения местного и общего в русской истории. Подробно исследованная Щаповым тема колонизации вносила в это соотношение динамизм.

¹² Через полвека после Щапова классик русской литературы Михаил Пришвин в эссе «В краю непуганных птиц» (1909) так охарактеризовал Выговского киновиарха Андрея Денисова: «Вначале юноша-энтузиаст, потом и ловкий торговец, и ученый богослов, и писатель. Его не удовлетворяло то, что обитель имела за собою «скрытые горы», расчищенные леса, монастырские здания, благочестивую братскую жизнь, обширные связи при дворе и в самых отдаленных городах России. Он также хотел раздвинуть и умственный горизонт раскольников посредством систематического школьного образования» (Пришвин М.М. За волшебным колобком. М.: Московский рабочий, 1984. С. 121).

¹³ Щапов А.П. Сочинения. Том 1. СПб.: изд-во Пирожкова, 1906. С. 765.

¹⁴ Костомаров Н. О федеративном начале в Древней Руси // Федерализм. 1996. № 4.

Русская колонизация и цивилизация

Этимология слова «цивилизация» указывает на историческое противопоставление городской (по-латыни *Civitas*) и сельской жизни. Не случайно понятие «цивилизация» стало распространяться в эпоху индустриализации Западной Европы, когда городское «третье сословие» перехватило социальное лидерство у сельской земельной аристократии. Идеологи «третьего сословия» связывали причины опережающего развития Западной Европы с трудолюбивым и предпримчивым народом ее вольных городов, ставших средоточиями искусного ремесла, «движимого капитала» и образованности, а затем и фабричного производства¹⁵.

Отличительной же особенностью России как самодержавного государства стало преобладание «бессчетных», по словам Щапова, деревень и починков над городами. Земско-областная Русь была чисто сельская. Иностранный путешественник, видевший в Западной Европе чрезмерное развитие городов, в Восточной Европе, в России поражался слабым развитием и редкостью городов, господством сел. Русская предпримчивость нашла основное выражение не в ремеслах, а в «разгульном колонизационном духе», устремившемся в двух основных направлениях – северном новгородско-поморском и южном нижневолжско-прикаспийском. Русский колонизационный размах был прежде всего погоней на деревянных судах (лодьях, стругах, паузках, кочах) и охотничих лыжах за лесными (особенно пушным зверем) и рыбными богатствами. В предгорьях Урала, на рубеже Европы и Азии, русская колонизация соединилась в цельное движение в союзе северно-поморских новгородских купцов Строгановых и волжско-каспийского выходца Ермака и «прорубила и отворила вековую широкую дверь в Сибирь»¹⁶.

Колонизация рождала многочисленные *промышленные* деревни и слободы: рыболовные по берегам рек и озер, бобровничьи и бортничьи (пчеловодческие) посреди лесных угодий, позднее, по прихоти московских царей, – сокольничьи слободы и кречатые волости. Щапов так резюмировал итоги «пушной экономии» русского народа: соболь провел русские колонии через всю Сибирь до Камчатки, а обнаруженный там еще более дорогой зверь – морской (камчатский) бобр – повел через ряд Алеутских островов до материка Америки, до форта Росс на Аляске.

В отличие от сибирских туземцев, жадный до «мехового капитала» русский землепроходец не мог обойтись пищей только животного происхождения, он нуждался в хлебе. И звероловную колонизацию дополнило переселение великорусских жителей на восток ради пашенного земледелия. По летописным сведениям Щапов установил, что с XI по XIV в. в великорусских областях цены устойчиво росли: с 3 гривен за кадь до 4, 5, 6, 8, 10 и... наконец, до 40 гривен за кадь¹⁷. От скучородных нив русские

¹⁵ Попов-Ленский И.Л. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. К характеристике историко-философских идей в XVIII в. М.-Л.: Красная новь, 1924. С. 120.

¹⁶ Щапов А.П. Сочинения. Том 2. СПб.: изд-во Пирожкова, 1907. С. 194.

¹⁷ При этой последней цене пал Новгород Великий с его тощими полями и участвовавшими голодовками: «задержка со стороны Москвы низового подвоза хлеба окончательно рушила самобытное развитие Новгорода и его колоний, и вечевой колокол на берегах Волхова замолк печально и навеки» (Щапов А.П. Указ. соч. С. 218, 219).

крестьяне уходили в поисках «подрайской землицы» на Среднее и Нижнее Поволжье, а затем в Прииртышье и Приамурье, в предгорья Алтая и в глуши сибирской тайги. Интенсивность земледельческой колонизации за Уралом увеличили правительственные преследования раскольников: одних «выводили» из Европейской России (например, из белорусских областей бывшей Речи Посполитой), другие сами бежали от двойного подушного оклада и от прикрепления к казенным горным заводам.

Значительные земледельческие поселения староверов возникли на Алтае в долине реки Бухтармы и за Байкалом в долине реки Уды; молочный цвет вод Бухтармы питал созданную раскольниками-бегунами легенду о привольном царстве — «Беловодье», а наложенный быт села забайкальских староверов — «семейских» Тарбагатай был обрисован в «Записках декабриста» А.Е. Розена.

Не менее поэтична, чем некрасовские строки, характеристика Щаповым работы «мужиков-колонизаторов». Однако историк был вынужден признать, что веками поглощавшая энергию народа напряженная «мускулярная» борьба с суровой северной природой и привычки к «непосредственно натуральному» присвоению даров лесных и водных угодий привели к экономическому отставанию России, неразвитости в ней научно-рационального мышления и «индустриальной изобретательности»¹⁸.

Осознавая эту неразвитость, с самого начала Московского самодержавия русские государи старались привлечь западных рудознатцев, ремесленников и заводчиков, но результаты были незначительны вплоть до Петра Великого. Хотя промысло-земледельческая Россия была экономически более развитой, чем народы, быт которых «почти целиком основан на использовании естественных произведений животного царства» (северо-сибирские охотничьи и юго-восточные пастушеские), она отстала от западной цивилизации, продвинувшейся в освоении произведений минерального царства природы, что позволило выработать новые средства и орудия для получения и переработки естественных богатств. Приехавший с Запада Юрий Крижанич (1618–1683), чьи «Политичны думы», написанные в Тобольске в правление царя Алексея Тишайшего, были впервые опубликованы в 1859 г. и внимательно проштудированы Щаповым, подчеркивал, что Московское царство, хотя и «безмерно велико», бедно ресурсами и ремеслами. Самый образованный из посетивших Россию иностранцев скрупулезно перечислил материалы и товары, которых в ней нет: строительный камень и хорошая глина, хорошее железо, благородные и остальные цветные металлы; краски и драгоценные камни, пряности и благовония; виноград, маслины и многие иные плоды; сукна и шерсти; шелк и бумага. Крижанич также отметил отсутствие в России многих плотницких инструментов, умения изыскивать руды, навыков счетоводства¹⁹.

Наблюдательный хорват был предшественником Петра I в понимании того, что «средства цивилизации» надо искать в изобретательности ума и разработке ископаемых богатств. И уже Иван Посошков, активный участ-

¹⁸ Щапов А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 293.

¹⁹ Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997. С. 34, 77–78, 85.

ник петровских преобразований, «самолично» сыскавший самородную серу, нефть, охру и т.д., был убежден, в противоположность Крижаничу, что Россия — весьма богатая ресурсами страна. А иностранным визитерам петровского времени Россия представлялась уже не сплошь сельской страной, а большим заводом: извлекались из недр земных сокрытые до толе сокровища, повсюду раздавался стук молотков и топоров, отовсюду стекались туда ученые и техники с книгами, инструментами, машинами. И все эти работы направлял сам монарх, как мастер и указатель.

Однако рука «державного плотника» была не только умелой, но и исключительно тяжелой и жестокой. Сгон десятков тысяч работников на судоверфи, на строительство Петербурга и Кронштадта, для прорытия Ладожского канала, закабаление «приписных» и «посессионных» крестьян на казенных и частных фабриках и заводах; лишение целых волостей каменщиков, кирпичников, плотников и других мастеровых людей; гнетущие налоги как прямые (поземельные и подушные), так и многочисленные косвенные (хомутейные, прикольные, посаженные, мостовые, пчельные, банные, кожные, покосовинные, с подводчиков десятые, и т.п.). И при изнурении крестьян — казнокрадство «смотрителей заводских». Щапов присоединился к воплям старообрядца Докукина, принявшего мученическую смерть (колесование) за обличение тиравивших народ петровских депортаций, «несносных податей» и правежей²⁰, и к укоризнам Посошкова по поводу «вымышенных сборов» (придуманных специально для пополнения казны), причинявших людям *турбацию великую*²¹.

Щапов не отрицал гениальность Петра как государственного деятеля и значение его «очистительного, просветительного слова о западной науке», но считал необходимым признать, что «европейски-просветительное влияние Петра нисколько не существовало и не существует для огромной массы крестьянства, мещанства и даже большей части купечества». Основатель империи заботился лишь об образовании искусственных слуг империи, исполнителей его идей, об образовании «себе из русского, прежде всего *служилого человека*», а «для образования массы народной, нужно правду сказать, он ничего не сделал». Вследствие того и произошло отрешение народных масс от учения Петра, оставившего экономический быт народа в самом жалком виде, при «ненасытимом корыстолюбии и грабительстве приказного начальства». Не давши народу прав материального обеспечения, отрывая его от торгов и промыслов на казенные работы, обременяя податями и разными сборами, император хотел силой заставить учиться цифри. И народ бежал от науки Петра в раскол²².

²⁰ «Но зрите, о правоверные христианские роды, како мы здесь живущие на земле, от оного божественного дара многие отрезаеми и свободной жизни лишаеми домов и торгов, земледельства, такожде и рукодельства и всего в благочестии живущих состояния и градских и древле установленных законов лишились, а пришельцев иноверных языков щедро и благоутробно за сыновление себе восприняли и всеми благами их наградили, а христиан бедных бьючи на правежах и с податей своих гладом поморили и до основания всех разорили и отечество наше пресловущие грады опустошили» (Щапов А.П. Избранное. С. 296–297).

²¹ Там же. С. 304.

²² Там же. С. 316–319.

Позднее Щапов стал более высоко оценивать роль Петра как первого «вводителя» системы умственного развития молодых поколений в России, давшего импульс «естественноиспытательному сосредоточению и воспитанию» русской мысли, выдвинувшей Ломоносова — энергичного продолжателя просветительской реформы²³. Реформы Петра направили русскую колонизацию на новый путь — познания и освоения «богатого царства минеральной экономии Урала и Сибири», и в XVIII — первой половине XIX вв. Россия добывала почти все необходимые для промышленности полезные ископаемые (85 видов горных пород и минералов, причем некоторые виды были уникальными²⁴), что не только обеспечило победы русского оружия, велеречиво воспетые еще Ломоносовым, но и позволило некоторое время лидировать в некоторых отраслях (черная металлургия в 1760-е гг., производство благородных металлов в 1830-е гг.). Однако это лидерство было непродолжительным, и «индустриальный тонус» России, заданный имперской модернизацией Петра I, к эпохе «великих реформ» иссяк. На причины этого указали Щапов и его последователи, общественные деятели и учёные, — сибирские областники Н.М. Ядринцев (1842–1894) и Г.Н. Потанин (1835–1920), поволжские историки Н.Н. Фирсов (1864–1934) и П.Г. Любомиров (1885–1935). С одной стороны, крепостное право и отчуждение европейской образованности от народной массы. С другой — оторванность горнозаводских поселений и металлических рудников от лежащей вокруг областной глубинки. Срашивание имперской власти с кастовым вельможеством породило не только имущественное неравенство, но и глубочайший социокультурный раскол, а дешевизна крепостного труда отодвигала на задний план вопросы технического прогресса в промышленности, так что к концу XVIII в. Россия стала явно отставать от Европы в области промышленной техники²⁵. Наконец, правительство оставалось, как правило, случайным собранием выброшенных на поверхность государственной жизни людей, заинтересованных прежде всего в сохранении своей позиции. Вельможа послепетровских времен — напудренный, раздетый в чулки и богато расшитый камзол, вкушивший парижского просвещения хотя бы в салонах и на бульварах — был совершенно чужд пониманию религиозных (и иных) настроений непросвещенной «черни», отвечавшей равнодушием к государственным делам как к «барским затеям»²⁶. «Зиждительные зачатки земского строения не получали рациональной, определенной организации... сознательной осмысленности, выясненности и проявлялись в грубых формах»²⁷. Податные сословия сходились с закрепостившим их дворянством в готовности признать наследником петровского императорского трона кого угодно. На этом фоне развернулась череда дворцовых переворотов и

²³ Щапов А.П. Социально-педагогические условия интеллектуального развития русского народа. М.: Красанд, 2010. С. 140–141.

²⁴ Дулов А.В. Природная среда и народное хозяйство России XI — середины XIX в. «История России» А.П. Щапова и история России. Первые Щаповские чтения. Иркутск: Оттиск, 2001. С. 117.

²⁵ Любомиров П.Г. Крепостная Россия XVII–XVIII вв. Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 36, ч. III. М.: РБИ Гранат, 1938. Стб. 758.

²⁶ Фирсов Н.Н. Расхитители и расхищение народного достояния в России. Казань. 1917.

²⁷ Щапов А.П. Избранное. С. 317.

сказочных карьер, сопровождаемая прорывами «необузданного народного демократизма».

«Серебряная покрышка» Урала и «золотое дно» Сибири не послужили делу систематического обустройства российских восточных окраин; громадный территориальный массив — «драгоценный подарок, который народная масса преподнесла России»²⁸ — не получил необходимой огранки цивилизации. Обласканное Петром семейство богатейших уральских горнозаводчиков Демидовых предпочло срашивание с преступным миром в XVIII в. и покупку итальянских княжеств (футбольных клубов тогда не было) в XIX в.²⁹, а купцы-промышленники сибирских городов, ухватившие золотоносные жилы Витимско-Олекминских месторождений, довольствовались попойками, рысаками и кулачными боями³⁰. Один лишь Иркутск, в котором Щапов провел более половины своей жизни и встретил свой последний час, получил «культурную прививку» благодаря губернаторству Сперанского и позднее графа Муравьева-Амурского, а также ссылочным декабристам, но и эта «культурная столица» тогдашней Сибири оставалась посреди «сплошной умственной пустыни» сибирской деревни³¹.

Итак, щаповскую противоположность земско-областного и централизующего начал русской истории можно представить как столкновение колонизационных процессов «вширь» и «вглубь»³². Вольнонародное расселение «вширь» на «естественно-исторической основе» было результатом стремления к животным богатствам и лучшим нивам. Направленное, регламентированное создание государством опорных пунктов, управляемых из центра, с петровских времен стало «углубляться» в недра, чтобы извлекать из них и перерабатывать минеральные богатства. Но если колонизация «вширь» формировалась взаимосвязанные «подпространства» областей с экономико-географическими и этнографическими особенностями, то промышленно-заводские округа, насаждая «средства цивилизации», оставались обособленными от окрестных территорий и редко способствовали уплотнению внутриобластного и межобластного обмена. Колонизация «вглубь» часто разрывала территориальное пространство и социальную ткань, что принимало особенно болезненные формы в рывках «догоняющей модернизации». Поэтому при очередной российской «модернизации» имеет смысл акцентировать не заимствование «опыта цивилизации» в локальных центрах, а достижение связности российских «подпространств» в разработке и обмене природных богатств, чтобы обеспечить капитализацию пространства в интересах большинства населения, а не бюрократическо-олигархических каст.

²⁸ Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб.: Девриен, 1909.

²⁹ Акинфий Демидов (1678–1745), создатель фамильной металлургической империи, завязал связи с «бугровщиками» — грабителями скифских могильных курганов, а его правнук Анатолий Демидов (1812–1870) купил княжество Сан-Донато близ Флоренции.

³⁰ Потанин Г.Н. Города Сибири. Указ. соч. С. 235.

³¹ Там же. С. 236–237.

³² Категории колонизации «вширь» и «вглубь» предложены современным биографом Щапова профессором А.С. Маджаровым, инициатором проводимых в Иркутском университете Щаповских чтений.